

9-16.2.95

справка
Грибоедов
и
Лермонтов

Грузины приехали... Какой радостью это было всегда и как редко бывает теперь! Но каждый приезд грузинских артистов в Москву становится чем-то иным и большим, чем гастроли, — встречей. Встречей зачем-то разлученных людей, чья близость создавалась не годами — веками, и явно по воле судьбы. Мало ли с кем мы рядом живем, соседствуем по-доброму и по-деловому, но не со всеми соседями образуется крепкая, как родство, связь. Не везде цвет нации, люди ее культуры, испытывают столь сильное влечение к чужой и иной стране, как Грибоедов, Пушкин или Лермонтов — к Грузии.

Грибоедов, в Грузии живший, здесь

национального характера с его открытостью и широтой, с отсутствием национальных комплексов у сверх меры одаренного и всеми любимого народа. Недаром здесь искали себе пристанище русские, бежавшие от своей тоски или беды. Здесь (долго, пока не дала трещину реальная, а не мифическая дружба народов), был своеобразный Вавилон, смешение языков и культур. Моя семья — типичная модель этого: отец — армянин с легкой примесью русской крови; мать поровну — полька и грузинка. Этот коктейль из кавказской и славянской крови небезопасен, временами взрывается и бурлит, но исключает всякие фобии и предрассудки, связанные с национальным вопросом.

Что до русского театра в Тбилиси советской поры, то здесь ставили спектакли Марджанишвили и Алексей

(то и другое — в постановке Лейлы Джаши) и литературную композицию в честь Грибоедова. С нее и начали.

Спектакль-концерт «...для чего пережила тебя любовь моя!» (по повести Бориса Изюмского о Нине Грибоедовой) был поставлен Еленой Подгорецкой-Килосанидзе и ею же сыгран в тактичном сопровождении московского артиста Эдуарда Митина. Строго решенное пространство — белый крест в глубине затемненной сцены; на него можно набросить подвечную фату или венок. Музыка, воспоминания, стихи. Тени реальных людей эпохи — братья Пушкины, Александр и Лев; Кюхельбекер и Лермонтов; поэты Орбелиани и Бараташвили.

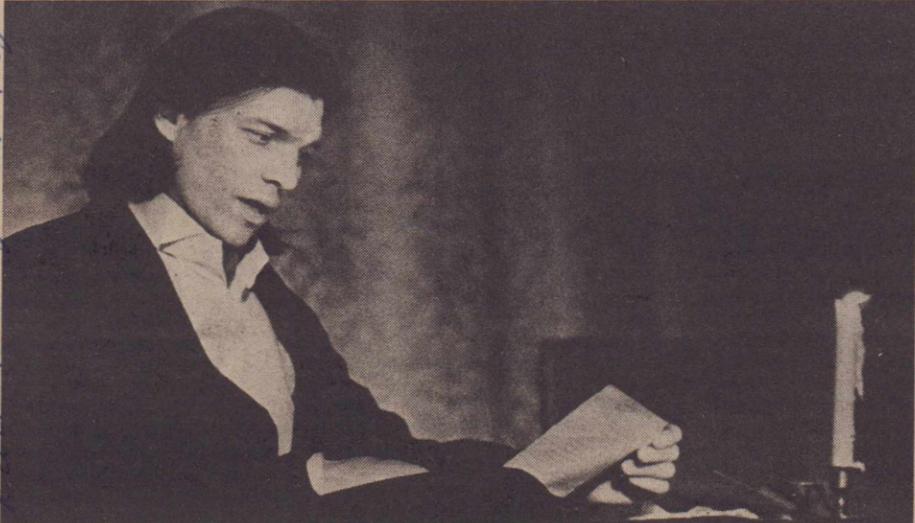
И два героя в центре всего: незримый Грибоедов, каким он предстает в сочинениях и письмах своих, в воспоминаниях о нем, более всего «в очах души» Нины — и сама Нина Чавчавадзе, на склоне лет заново переживающая свою жизнь. Светлое свое детство, раннюю и единственную любовь, недолгую жизнь с мужем, страшную (и такую сегодняшнюю!) его гибель — и долгое, до конца дней, вдовство. Нина, во всем богатстве глубокой и цельной своей натуры, в 16 лет написавшая эти строки: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?»

Нина Чавчавадзе, по складу характера и образу жизни — отнюдь не монашка и не затворница, стольких восхищавшая, столькими любимая, сохранила в себе, как завет, первое юное чувство. Без всяких теорий, пафоса, позы — попросту не могла иначе. Удивительный тип эпохи, где соединились грузинские и русские женщины, Нина и декабристские жены, и вымышленная пушкинская Татьяна.

точные и колоритны Валентина Семина в роли старой верной служанки и Элизбар Кухалейшвили — незадачливый интриган-недотепа.

Недотепа, как видно, близкий ему герой. Таков он и в третьем гастрольном спектакле, сказке «Принц-горбун» по пьесе Федора Кони — спектакле легком и музыкальном, оформленном незатейливо и остроумно, шедшем на детском утреннике с шумным и своеобразным залом. Когда на сцене появился несчастный принц-уродец с внушительным горбом, белым на глазу и заплетающимися ногами, зал взрывался остротами, весело издевался — и почему-то быстро стихал, проникаясь симпатией к этому странному существу. То же происходило на сцене, процесс шел параллельно: принц-горбун завоевывал сердце и капризной Принцессы (Ирина Егерева), и непокорного зрителя тонким душевным шармом. Потом он, разумеется, преобразался, повторяя вечный сюжет красавицы и чудовища, но это особого значения не имело — его и прежним, неказистым уже любил.

Московские гастроли закончились в феврале. Театр отправился в Санкт-Петербург, в другие российские города, потом домой, и где, когда мы снова увидимся — Бог весть. На встрече в Доме актера, устроенной гостеприимной Маргаритой Эскиной, в скромном домашнем застолье сидели тесно, говорили немного и словно успокаивали друг друга: все будет хорошо, должно быть, как же иначе? Хотелось верить. Сидел среди грузин давний их друг Адольф Шапиро, ныне почти москвич, отлученный от Риги, от го-

ПОЧЕМУ МЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ВРОЗЬ?

нашедший свою любовь и похороненный на горе Мтацминда, — одна из самых прекрасных и трагических страниц этого векового родства. Под знаком Грибоедова прошла и нынешняя грустная встреча.

В Москву приехал из Тбилиси русский театр имени Грибоедова. Приехал в дни 200-летнего грибоедовского юбилея, когда к тому же в Литературном музее открылась выставка «Грибоедов в Грузии» — совпадение случайно, но символично.

Театр этот — сам юбиляр, в 1995-м отмечающий свое 150-летие, с историей богатой и сложной. Театр-Феникс, рождавшийся трижды: в 1845-м — как первый русский профессиональный театр в Грузии; в 1866-м — в виде русских сезонов в Тифлисе; и, наконец, в 1932-м — как Тбилисский государственный русский театр, вскоре получивший имя Грибоедова и от него до сих пор не отрешившийся. (Не удивляйтесь, читатель, что ставлю это в заслугу — известно, как в одной из бывших братских республик театр застенялся имени Пушкина).

Становлению театра помогали Москва и Санкт-Петербург; во главе его поначалу стоял режиссер Малого театра Александр Яблочкин — отец знаменитой нашей актрисы; спектаклем-девизом было грибоедовское «Горе от ума». В русские сезоны здесь гастролировали или работали лучшие артистические силы России; в начале 900-х нашло себе приют Товарищество Новой драмы Мейерхольда. Вообще русский театр в Тифлисе был круто замешан на взаимодействии культур (теперь и этого понятия застенялись, как Пушкина). Живой пример тому — Жорж Питоев, выходец из богатой тифлисской семьи торговцев и промышленников, меценатов и культуртрегеров, влюбленных в искусство. Он в самом себе, в своей личности, творчестве и судьбе соединил «гены» разных культур: не утратив кавказской страстности, стал в Европе пропагандистом русской драмы и «душевного реализма» русской сцены; мечтал об Интернациональном театре и фактически строил его.

Мне кажется (не хотелось бы ошибиться!), что интернационализм был в почве, в воздухе Грузии, в природе

Попов; начинал свой творческий путь Товстоногов; на афише были пьесы Гоголя и Горького, Шекспира и Шиллера, авторов грузинских и украинских. Из Тбилиси я уехала в детстве, мало что помню, но атмосфера театра запомнилась — атмосфера прочного семейного дела, свойственная грузинам и русским, с патриархальными отношениями, длившимися и тогда, когда жизнь разбрасывала людей в разные стороны, но сохраняла им чувство родства. По книгам, семейным архивам, рассказам близких и очевидцев представляю себе стиль этого театра в лучшие его годы — что-то значительное, крупное, яркое, близкое русской и грузинской традиции, публике изысканной и широкой.

Театр любили в городе, он вошел в культурный обиход тбилисцев. Ему продолжали помогать и тогда, когда былая общность культур уже дала трещину — не позволили скитаться после пожара, предоставили новое здание. Даже сейчас, когда наши отношения с Грузией омрачены на разных уровнях — от «большой политики» до обывательских предрассудков, — русский театр в Тбилиси существует и смог приехать в Москву. А это в нынешних условиях немало; это вселяет надежду, говорит о необорванных связях — тем более, что в Москве так рады были нашей январской встрече.

Московские театры пришли на помощь коллегам охотно и бескорыстно: кто мог, снабдил гастролеров деньгами; несколько театров предоставили свои сцены; одна из авиакомпаний подарила всей труппе билеты на самолет. Словом, встретили по-дружески и достойно, и все было хорошо, но о приезде грузин мало кто знал, не было оперативной информации и рекламы, даже обычной пресс-конференции, которая сразу дает резонанс и «делает публику» для гастролей. Не знаю, были ли здесь какие-то «органоклады», но явно ощущалась воля самих гостей. Они приехали тихо и скромно, не желая шумихи, считая свои гастроли условными — нельзя привезти декорации, показать основные спектакли, представить театр весомо, и от сознания этого сквозил в нашей встрече осязаемый оттенок грусти. Привезли же небольшое и легкое — по скупости решений, числу участников, условиям игры: детскую сказку, легкую французскую комедию

Все они — женщины идеи, но не голубой, а органической, стойкой, подсажена она долгом или любовью, — идеи верности. При этом натуры — гармонические и сложные, в высшей мере наделенные мужеством и женственные в каждой черте своей, в каждом движении души. Тип, стремящийся к идеалу, о чем мы теперь и говорить, и думать боимся, напуганные идеалами насажденными или фальшивыми; напуганные и самим словом, за которым чудится некий императив.

Как сыграть такую женщину, да еще и на протяжении 30 с лишним лет? Елена Килосанидзе и не играет в обычном смысле слова — скорее обозначает, ненавязчиво и эскизно, открывая, а не обнажая душу. Это — в стиле литературного театра, «чтений», как задуман и сделан спектакль, и в стиле грузинской женщины также. Все есть — и живость, и обаятельное лукавство, и ужас потери, и безоглядный порыв, но — с осязаемой дистанцией, с целомудренной сдержанностью. Непоказное достоинство, строгость и теплота, улыбка с оттенком грусти, какой-то врожденный аристократизм — то, что присуще этой породе грузинских женщин и явлено хотя бы столь любимой в Москве Нине Бреговдзе.

Впрочем, не только о женщинах речь. Достоинство сквозило и в той, горделивой и скромной, позиции театра, о которой шла речь; и в том, как говорили приезжие — будто не о себе, без жалоб и без надрыва — о нынешней тбилисской жизни, голодной, холодной, без газа и света, о том, что обрушилось на маленькую, столь богатую прежде страну. И в том, наконец, как работали на сцене актеры...

Москвичам сразу понравился Элизбар Кухалейшвили, актер на редкость интеллигентной манеры во всем, что бы ему и в каких условиях ни приходилось играть. На Новой сцене Таганки в сборном, случайном оформлении гости разыгрывали комедию Шенно «Будьте здоровы!» — из тех, что с видимым осуждением и тайным любопытством именуют бульварными. Из нее можно было бы сделать «клубничку», развлекая публику детективно закрученным сюжетом и пикантными ситуациями на каждом шагу. Но актеры в основном соблазна этого избегали, играли корректно, хотя и с комедийной отагой. Более других были

рода и театра, которым отдал 30 лучших лет жизни. Как и мы отлучены от Латвии, должны видеть в ней чужую страну — и от Грузии, что ли, тоже? Почему мы должны быть врозь? Почему нельзя запросто, как прежде, полететь в Тбилиси, посетить могилы родных, навесить друзей, взглянуть в Мтацминды на бриллиантовые огни города — да есть ли они, впрочем, теперь? Не приснилась ли эта Грузия, волшебная и уплывающая куда-то страна?

И для чего пережила тебя любовь моя?

Татьяна ШАХ-АЗИЗОВА.

● Эдуард Митин.
● Елена Килосанидзе.

Фото Владимира Перельмана.